

Алла Гудзенко

Море шумит...

Дитя любви

Дитя любви – Одесса. Дитя поздней и многотрудной любви.

То, во что влита истинная страсть, живет в веках.

Указы, политические интересы, развязка путей, международная торговля.

Альков.

Официальные хроники безжалостно вымарывают из победных реляций жаркие ночи.

Но посмотрим правде в глаза.

Без них не было бы ни-че-го.

Ни вас, ни меня, ни истории, не фейсбука.

– Европа может подождать! (Гениальное, женское, из кино.)

Императрице 60. Юному фавориту Зубову 22.

Де Рибас, Суворов, Потемкин снискали славу в сражениях. Где и поистрепались.

Они – государственные мужи.

А Зубов – е*арь, «милое дитя Платоша».

«Я возвратилась к жизни, – писала императрица, – как муха после зимней спячки».

Языком проектного менеджмента: найти (а то и подсудобить) лоббиста. Дружить с ним. Решать вопросы. Делать дело.

На пользу государству и проекту.

Из синергии желаний рождается жизнь.

У евреев есть миньян – когда десять человек возносят ритуальную молитву. Она особенно угодна Б-гу. Это тоже синергия.

Когда три гениальных государственных мужа, юный любовник и самодержица дышат в одном направлении – реализуется великий проект.

Пусть вся геолокация будет против. Пусть не будет воды, стройматериалов, рабочей силы.

Одна пустыня и развалины турецкой крепости.

Есть убежденность: надо!

Есть убежденность: сделаем!

Против страсти физика (в смысле, физические законы) – что плотник супротив столяра.

В этом смысле Одесса чем-то схожа с Израилем.

Рожденная наперекор объективной реальности.

Рожденная желанием.

И живущая желанием.

Сейчас – временно – вопреки течению.

Но ведь и 225 лет назад было – течению вопреки.

А получилось!

Да как!

– Европа может подождать! – юная Одесса сразила тысячелетнюю Европу.

Родившись, сразу, из пены у диких еще вчера берегов ошеломительной красавицей.

Потому что: Хосе (Иосиф) де Рибас – шесть языков, победы в русско-турецкой войне.

Суворов – генералиссимус, взятие всего, что числилось непобедимым, в Европе и Азии.

Потемкин – казачество, Черноморский флот, взятие Очакова.

Инженер де Волан.

А непрерывность финансирования обеспечивал Зубов.

И великие восприемники потом.

И множество разноплеменных людей, находящихся на протяжении двух веков общий язык.

Покровители – Эрос и Меркурий.

И вечная игра. Потому что города, как и люди, играют от избытка жизненных сил.

Потерял вкус к игре? Не то чтобы умер, но такое...

Объект для клевания в темечко.

Жизни, игры и процветания!
Наш город, наш остров, наш общий дом.
Куда без тебя?

Каждый третий бесплатно

Саня едет на работу на трамвае. Рядом с трамваем едет «мерседес» с водителем. Санин сын считает, что отец может ездить на работу машиной. У Сани другое мнение. У него вообще по поводу всего другое мнение. Свое.

И оно настолько правильное, что он работает на одном месте более полувека.

Он создает пространства.

Кто-то скажет – иллюзию пространства? – потому что Саня строит декорации. Он столяр. Но разве сцена театра больший мираж, чем сцена жизни?

У Сани все вокруг – игра.

Мир состоит из нее.

Не из «работа – дом», «свои – чужие». Из перманентной игры, как у иных – из перманентной ненависти.

На берегу моря мальчик-подмастерье из Саниного цеха чинит его дюралевую лодку.

После шторма берег моря устлан огромными клочьями пены. Саня собирает пену лопатой в мешки. Мешки большие. Кудрявая пена наполняет их, как газ. Цеппелины мешков с пеной лежат вдоль песчаной кромки зимнего пляжа.

– Пойди спроси его: зачем он это делает? – хорошо одетая женщина толкает мужа в бок.

– Да не буду я спрашивать! – солидная уважаемая пара пререкается метров за триста от невозмутимо орудующего лопатой Сани.

– А я говорю, спроси! – женщина настойчива.

В ней говорит древний женский инстинкт собирательницы и первооткрывательницы полезного. На этом инстинкте замешано хрестоматийное «что дают?». Главная батарейка сарафанного радио – тоже этот инстинкт. Видишь, кто-то нашел пользу, – добудь ее и себе.

Супруг уверенно ступает дорогой спортивной обувью по плотному серому песку. Приближаясь, здороваётся первым, как приличный. Негромко, хорошо поставленным голосом.

– А зачем это вам? – как бы невзначай интересуется у Сани.

– Да есть клиенты... – не отвечает прямо на вопрос Саня, продолжая набивать мешок пеной.

У подобравшейся поближе жены хищно сужаются глаза. Но и в супруге уже разбужен охотник.

– А для чего это им? – как бы со знанием дела спрашивает он. Типа да, что-то как-то слышал, но освежите в памяти.

– Ну, разные показания бывают. Это зависит от погоды, от того, какая пена.

От женщины уже исходят ощутимые токи. Знакомые мужу по шопинг-турам. Такое излучение предшествует главному вопросу.

– И сколько стоит? – полуотвернув холёный профиль, разглядывая набежавшую волну, интересуется мужчина.

Саня взглядом окидывает свои цеппелины. Добавляет лопату свежих кудрявых бульб в раскрытый зев очередного мешка.

– Каждый третий – бесплатно! – сообщает он через большую мхатовскую паузу уже искрящим от нетерпения супругам.

У дюралевой лодки угорает мальчик-подмастерье.

Море шумит легкой волной.

Одесса.

